

Татьяна Иванова

Сестры Кавалеровы

Татьяна Иванова
Сестры Кавалеровы

«Издательские решения»

Иванова Т.

Сестры Кавалеровы / Т. Иванова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833743-7

Надежда, Евгения и Вика родом из Советского Союза и из XX века. Их отец мечтал видеть своих детей гениальными людьми и не жалел усилий, чтобы дочери соответствовали тому идеалу, который он нарисовал в своем воображении. Но у сестер свои взгляды на собственную жизнь.

ISBN 978-5-44-833743-7

© Иванова Т.

© Издательские решения

Содержание

Надежда	6
Виктория	19
Евгения	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сестры Кавалеровы

Татьяна Иванова

© Татьяна Иванова, 2016

ISBN 978-5-4483-3743-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Надежда

*Кичились майские красотки
Надменной грацией своей;
Дохнул октябрь – и стали тётки,
Тела давно минувших дней.*

И. Губерман

...Кратко, точно и совершенно про меня. Вот зеркало в прихожей, а вот я в нём. 7:15, я на старте... Такой поэт! И написал обо мне! Аж целых четыре строчки! Спокойно. Главное – не загордиться.

Вот эта лошадь серая —
Надежда Кавалерова.

Здорово. Свежий образ. Наши отделские девки за глаза зовут меня серой мышью... Да если с них косметику смыть...!

Для мыши я, пожалуй, крупновата. К тому же я терплю-терплю, но могу и лягнуть. В общем, так вернее. Лаконично и ёмко, как у Незнайки.

– Папа, я пошла, пока!

В детстве отец всегда называл меня Надеждой. Не Надей, не Наденькой, ни в коем случае не Надюшей, только Надеждой. Помнится, лет в двенадцать я решила, что я у родителей неродная, тем более что к Женьке он относился куда мягче. А Викушкой занимался всерьёз, зарядку специальную делал... А сейчас он вообще избегает упоминать моё имя. В крайнем случае – дочка. Потерял надежду. Надежду сделать из дочери нечто такое, чем можно было бы гордиться. До чего же неистребимо у мужчин это стремление всех переплюнуть!

... – Выходите, женщина?

– ...А... да.

– А спереди вас выходят?

(«А куда они денутся... Спереди, хм.»)

«Осторожно, двери закрываются...» Бр-р-р-бумм! Бросок по коридору, эскалатор, платформа.

... – «Да дайте же выйти...! Да куда ж вы прёте!!!» – опять кто-то замешкался.

Бр-р-р-бумм! ...«Осторожно, двери закрываются...»

«...Восемь утра, а уже такая духота. Асфальт этот калёный. Коробки эти серые. Прямо чувствуется, как от них жаром пышет. Что к вечеру будет, страшно представить. Ну, вот и родная проходная. Сколько уже раз я через неё... Двадцать лет. Или двадцать два? Нет, двадцать. Один раз переезжала в другой кабинет. И всё. Зам начальника группы. И начальником не стать до гробовой доски. Не потому, что бестолочь, а потому, что за это надо бороться, а мне противно. Противны эти интрижки, эти копеечные тайны мадридского двора, эти комплоты из дамского туалета... Господи, хоть что-нибудь мне здесь нравится, кроме суммы прописью?»

«Ну вот и родное кресло, тренажёр мой геморройный. Так, ещё три минуты, как раз успею восстановить причёску... Подмазаться... Ну вот, на что-то похожа.»

– Доброе утро, дорогие дамы! Эллочка, вы, как всегда, неотразимы! Таня, я потрясен! Зоенька, здравствуй, деточка! Надежда Васильевна, пожалуйста, ко мне со статистикой.

Это наш Кувалдис. Помнится, ещё Софья Израилевна его так прозвала. За что – непонятно, но приклеилось. Карнеги обчитался – сыплет комплиментами, улыбается во всю пасть. А работать всё равно приходится и за него, и за себя... и за того, как говорится, парня. Вот при старухе Софье мы втроём умудрялись справляться со всем, что сейчас делают двенадцать баб во главе с Кувалдисом. И компьютеров этих не было... Как их Миша зовёт? А! Глюкодром мастдайный!

– Ну, Надежда Васильевна, вернёмся к нашим баранам. Что у нас с отчётом?

«У нас... Это – у нас, у тебя-то будет полный порядок...»

– Всё в порядке. За квартал всё обработано, осталась последняя неделя. Всё идет по плану.

– По плану? Хе-хе-хе... Ха-ароший у вас план, таварщ Жюков! ...Так, а это у вас тут откуда?

– ...

«Если тебе не ясно, откуда *это* – что ты тут делаешь? Дурак. То есть баран.»

– Ну ладно, идите... э... благодарю вас...

Дурак, хотя это пережить можно. Но ведь вчера было то же самое. И завтра будет... Он же ничего не смыслит в бухгалтерии. Он не знаком с азами экономики. Он не умеет считать. Он путается на «рабочем столе». Роль свою как начальника видит в общем руководстве – ну очень общем... Сайентолог, господи прости. Единственная от этого польза – этот наш уголок рекреации, его инициатива и его старания. Настоящая пальма, кофеварка автоматическая. И кофе в соцпакет включили. Где-то вычитал, что это восстанавливает душевное равновесие и повышает производительность труда. Вот я сейчас туда пойду и восстановлю душевное равновесие...

Картина маслом. Зойка-то прямо как заяц к своему столу бросилась. В мышь вцепилась, словно утопающий в соломинку. Бедная девочка, запуганная с детства на всю жизнь.

А вот Эллочку не напугаешь. Сколько ленивой грации в этом томном движении ног, плеч и ресниц. С каким презрением к миру она водружает свою безукоризненную фигуру на рабочее место...

– Хватит болтать, девочки. Пора за работу. Да и Надежде Васильевне это совершенно не интересно.

И тщательно отработанная улыбка, приоткрывающая чувство безграничного превосходства.

Спасибо, Эллочка, я тебя тоже очень люблю.

И искренняя улыбка, совершенно неотличимая от настоящей. Вот тебе.

«Господи, что я тут делаю? Здесь же не осталось ничего, что я когда-то любила. Поменять работу? Какой смысл? Здесь хотя бы я всё говно знаю, а на новом месте – придётся долго изучать. Да и возраст... В какой-то рекламе было что-то вроде „в сорок лет всё только начинается“, но ведь известно, что бабий век – сорок лет. Лично у меня начаться может только климакс. Единственная приятная перспектива – неумолимо надвигающийся отпуск...»

«Об отпуске подумать, что ли? Денег хватит самое большее на Турцию, но там я уже была. Конечно, пляж. Конечно, отель. Конечно, сервис. Но эти молодые турки с алчными глазами... Так и вспоминаются Гомиашвили с Филипповым: „Дэньга, дэньга давай!“ Неужели я похожа на женщину, которую за бесплатно никто любить не будет? Нет, на фоне этих альфонс-беев Женькина речка и даже деревенские алкаши здорово выигрывают. Не нужен мне берег турецкий.»

«...Что это? Ах, да, телефон. Вот так-то – отвлекаться в рабочее время. Совершенно выпала из реальности.»

– Слушаю, Кавалерова.

- Надя, здравствуй! Это Некудыкин! Узнала, конечно!
- Да, Лёша, конечно. Здравствуй. Сто лет тебя не видела.
- Сто не сто, а года три! Как твои дела, в двух словах!
- В двух? Как всегда...
- Ну да, ха-ха, понимаю! Ну какие-то новости должны быть!
- Лёш, ну какие новости? Работа... магазин... дом... работа... С Новым Годом...
- Ха-ха-ха-ха! Да, такая жизнь наша! Ничего не поделаешь!

Лёша Некудыкин звонит мне примерно раз в полгода. Ненавязчиво интересуется, как дела у моей сестрицы. Никак не может поверить, что ему здесь не светит. Когда-то он за ней сильно ухлёстывал, но не преуспел. Потом трудился то в жёлтой прессе, то в сетевом маркетинге, купил новую иномарку, женился, развёлся, снова женился, но всегда готов развестись, если Женька мигнёт пальчиком...

– Чёрт знает что! Как ты не понимаешь! Ну ты представь: Женя – и у печки! Бред полный! Похоронила себя в деревне! Надо ещё разобраться, чем он её там держит! Зомбирует!

– Да брось ты, Лёша. Всё у неё в порядке. Мужика своего она любит, так что тебе ловить тут нечего. Оставь ты её в покое. Думаю, гостем она тебя будет рада видеть, а так – не волнуйся. Ты ведь сестрицу мою знаешь, она всегда прекрасно понимала, что ей надо и как ей лучше.

– Ох, Надя, ничего ты не понимаешь! А я уверен, что тут что-то нечисто! Не может ей нравиться эта глушь! Силой он её там держит! Спасать её надо!

– Ох, Некудыкин, не смейся. Ты и впрямь её спасать собрался? Да Ивана ты одолеешь, только если он со смеху помрет... Не лезь ты к ней, всё у неё в порядке. Успокойся. Лучше заходи как-нибудь, я тебе фотки покажу. Как они там живут...

– Эх, Надя, Надя! Так ты и осталась прекраснодоушной оптимисткой! Смотри, не кончилось бы это чем нехорошим!

– Перестань, Лёша. ...Ладно. Мне тут работать надо, ты уж извини...

– Ладно, Надюш, это ты меня извини! Всего тебе хорошего! А о том, что я говорил, подумай всё-таки! Привет!

– Привет, привет.

«Бдит – а вдруг Женьке надоест сельская глушь, и она вернётся в Москву, а тут Некудыкин – вот он, богат, красив, на всё готов. Кретин... И это не черта характера, а диагноз. Да Женька из нас самая счастливая. Живёт с любимым человеком на лоне сладостных натур, занимается любимым делом, и всё начальство далеко за пределами прямой видимости...»

«Боже, ну и толпа. Опять один эскалатор не работает. Спокойствие, только спокойствие, это дело житейское...»

– Гос-с-поди, да куды ж вы, черти, прётё???

– В преисподнюю, бабка, в преисподнюю! На рабочее место! Гы-гы-гы-гы!!!

«Ф-фу-ух... Ну вот, свежий воздух. Теперь остался гастроном. Вечерний, так сказать, шоппинг.»

– Триста сорок – восемьдесят. Скидка есть?

– Нет.

– Как – нет???

– Нет.

– Ой, извините...

Вымученно улыбается. Видать, у неё тоже к вечеру крыша едет. Или просто дура.

Подъезд. Лифт. Тапочки. Продукты на кухню... Ну вот. Весь стол в грязной посуде. И полная раковина. Кого здесь угощали, и главное – скольких? Хорошо, хоть горячую воду вчера дали... И Тимоша сидит у своей миски и смотрит на меня с такой любовью во взоре. Хоть одно живое существо меня любит. Просто любит. Хотя и не совсем бескорыстно.

Сын там же, где всегда – перед монитором, на голове наушники. Ушёл в виртуал. У отца гости. Знакомый голос, кажется, уже бывал когда-то. Страстные инвективы аж здесь слышны: «Ментовский произвол!... Я знаю, как с ними разговаривать!... На Западе... Да он масон, это все знают!...» Господи, опять!

Пастернак и Патиссон —
Что ни овощ, то масон...

– Дочка, здравствуй. Хорошо, что ты пришла. Сделай-ка нам чаю... А это мой друг, знакомься.

– Добый вечер, Надежда Васильевна (лёгкий и изящный наклон головы). Позвольте представиться – Александр Седов. Кандидат наук. Философ и целитель.

– Очень приятно. Надежда Кавалерова. Бухгалтер...

«Ну зачем я так. Мужик как мужик, собой очень даже ничего. Выпендривается? Или просто знает себе цену? Это в общем неплохо. Надоели размазни, которые умеют только рассуждать о возвышенном. Заварим-ка мы им... ну, скажем, „Хэйлис“. И варенье поставим черничное, Женькин гостинец...»

«Хэйлис в разливе», так сказать. И подносик возьмём жостовский. Когда-то в мещанских штучках числился, а сейчас – круто и стильно. А мне просто нравится. Какие на нём розы – в натуре таких не бывает...»

– ...Конечно, Василий Эдуардович, после ИНН нас уже ничем не удивишь. В Бразилии начали метить детей чипами с дистанционным считыванием. В Мексике опробовали вживляемые маяки, которые пеленгуются прямо со спутника. Осталось только в законодательном порядке... О, как кстати. Надежда Васильевна, вы нас спасли от полной дегидратации!

«Слова-то какие знает. А о чём это он тут вещал? Чипы какие-то... Опять кому-то что-то вживили... Мне бы кто вживил мобильник, а то я его вечно то забываю, то теряю...»

– Дочка, Саша тут интересные вещи рассказывает. Я давно подозревал, что в жизни всё не так, как на самом деле, хе-хе. Но тут факты такие, что последние остатки волос встают дыбом!

«Ох, папа, не прибежнялся бы. С твоей шевелюрой в твои годы конечно, можно пококетничать, но в меру. Хорошо, что я волосами не в маму пошла. Тоже есть чем гордиться...»

– Да, вы знаете, Надежда Васильевна...

– Александр батькович, не усложняйте. Просто Надя. Тем более мы с вами примерно в одной возрастной...

– Ну что вы! Вам ведь не больше тридцати? Ну хорошо, только с вашего разрешения. Но тогда соответственно – Саша.

«Каков наглец. А впрочем, это, кажется, комплимент. Была бы я на глаз заметно старше своих годов – было бы хамством, а так даже приятно.»

– Мы, дочка, тут с Сашей обсуждали одну проблему. Ты же знаешь, нас всех берут под контроль, и вот Саша подобрал интересные факты о технике этого дела. Компьютерные базы данных, вживляемые чипы...

Терпеть не могу эти словечки. Были у нас микросхемы, теперь поди ж ты... Щелочные батарейки стали алкалиновыми, а хэ-бэ – это вам не хэ-бэ, это настоящий коттон! Даль с Пушкиным в гробах переворачиваются. А просто ребята, которые этим ширпотребом торгуют или в своих газетёнках о нем пишут, кроме «Мурзилки» и прайс-листов ничего не читали... О, ещё одно словечко из новояза.

– ...поневоле начнешь всерьёз относиться к Апокалипсису...

«Приехали. Сейчас про звезду Полюнь вспомнят. А там и до трёх шестёрок недалеко. А потом у папы на старости лет крыша съедет.»

– Что касается «Откровения», Василий Эдуардович, не могу с вами согласиться. Режьте – но не могу. Иоанн Богослов писал острозлободневный политический памфлет, и числом 666 закодировал – в соответствии с правилами Платоновой нумерологии – имя императора Нерона. И заботила его исключительно патологическая нелюбовь Нерона к христианам. За это и предрекал он ему такое печальное будущее.

Помнится, на 666 поезде ездили мы с Женькой в Калининскую область на озёра... Да, Москва-Осташков. Леса бесконечные за окном, полустаночек какой-то с разбитой ещё с войны водонапорной башней, три часа пешком по лесной дорожке... Потом поезд перенумеровали по требованию православно озабоченной общественности, а Женька вышла замуж и уехала в деревню.

– Интересно, интересно. Такой версии я ещё не слышал...

– Не буду хвастаться – я её не сам придумал, это довольно давнее прочтение, оно хорошо аргументировано...

«Ишь ты. Вот не подумала бы...»

– Надя, вы, конечно, знакомы с Откровением Иоанна Богослова, сиречь Апокалипсисом?

– Да, хотя в самых общих чертах.

– И как вам такая версия?

– Трудно сказать... Но правдоподобнее, чем пророчество. Во-первых, не верю я в пророчества, во-вторых, в таком духе Апокалипсис подгоняли и к Наполеону, и к семнадцатому году, и везде вроде сходилось... Что это за пророчество – безразмерное, как колготки, которое на любое историческое лицо натянуть можно?

– Вот-вот! Совершенно верно!

«Ну я и сказанула. Колготки – на лицо... Черномырдин отдыхает!»

– ...да и своих забот у Иоанна в то время хватало. Всё равно как сейчас арабы плюнули бы на Израиль и ополчились на Испанию...

– Надя, я покорён! Вы в двух словах раздолбали всех этих дяконов кураевых и прочих мракобесов! Читайте, что один положительный отзыв на вашу кандидатскую у вас в кармане!

«Мелкий льстец...»

– Какую ещё кандидатскую?

– По философии! Или по истории! А то и по психологии – скажем, «Роль толкователей Апокалипсиса в формировании... -э э-э... структуры управляемого общества»!

– Боже меня упаси! У меня ещё с вуза на истмат с диаматом аллергия!

– А что вы кончали?

«Ну, поехал... Сейчас общих знакомых найдёт...»

– ...А доцента Нехаева помните?

– Ну конечно. Очаровательный дядька. Тупой, но добрый. Читал у нас диамат, кстати.

– Можете себе представить, ушёл в монахи. Где-то на Владимирщине подвизается. А проректор Шкурупий уехал в Израиль в девяносто третьем, а в девяносто пятом вернулся. Слишком там, говорит, евреев много... Знаете, в аэропорту Бен-Гуриона на прилёте висит плакат: «Не думай, что ты самый хитрый: здесь все – евреи!»

Где-то я эту хохмочку уже слышала... А, Мишка рассказывал. А он её в интернете откопал. Но всё равно смешно.

– А как вы, Надя, относитесь к Губерману?

– Хорошо. Весёлый дядька. Жизнь понимает.

– А вот:

Мой небосвод хрустально ясен
И полон радужных картин
Не потому что мир прекрасен,

А потому, что я кретин.

– Великолепно. Сразу видно, что кокетничает.

– Кокетничает? Ха-ха-ха-ха! Вы, Надя, не в бровь, а в глаз!

«Меня развлекают. Мне читают стихи. Мной восхищаются... *Да меня же клеят!!!*

Шокинг.»

– А знаете, Надя, как посадить гостей?

– Ну...

– Надо внимательно слушать и всё-всё записывать!

– Хм... А-а-а! М-да... Юмор у вас, Саша...

– Что ж делать. Битьё, так сказать, определяет сознание. Живём мы с вами где? Правильно, в полицейском государстве. Что КПСС отодвинули на задний план – это ничего не значит. У рычагов власти те же люди или в крайнем случае их ставленники. Ничего в этой стране не меняется...

«Ну вот... Не люблю я, когда мою страну называют „этой“. Кстати, опять калька с английского. Англичанин или янки, говоря о своей родине, говорит „this country“. То-то всё больше наших интеллектуалов завели себе такую привычку. Но мы же не англичане. И, слава богу, не американцы.»

– ...но в нашей стране всё же есть люди, которые не приемлют нового мирового порядка. Не могут. Холка под седёлку у них не годна, как говорится. И они будут бороться. За свободу, как бы пошло это ни звучало в наше циничное время.

– Вот как? Ну, Саша, чтоб вас посадить – даже и записывать ничего не надо...

– Но я же среди порядочных людей!

«Опять комплиман. Ох, как тебя, Надька, окучивают!»

– ...Так вот, о слежке. Вы, Надя, пользуетесь кредитной картой?

– Конечно. Нам на неё зарплату перечисляют.

– И когда покупаете, картой расплачиваетесь?

– Ну да, бывает.

– Так имейте в виду, что где-то в недрах компьютеров ФСБ имеется файл, в котором все ваши покупки отражены! Записано место, время, сумма, что купили. И если понадобится, по этой информации о вас много чего узнать можно. Всё схвачено.

«Хм. Кому это интересно – сколько Надька Кавалерова купила тампонов с тридцать третьего марта двухтыщезатёртого года по нынешний день?»

– ...отказаться от ИНН, нигде его не указывать, тем более что мы вырвали себе такое право! Платить только наличными! Нигде и никогда не давать о себе данных! Интернет – вообще особый разговор, только из интернет-кафе или через «левый» сотовый, и ни в коем случае не из дома. Регулярно заменять ящики. Никаких регистраций на сайтах. Помните, всё под контролем!

«Нет, беда с мужиком. Ка-анкретная мания преследования.»

– ...А вам когда завтра на работу? Уже поздновато...

– Моя работа всегда со мной. Ноутбук, сотовый, модем – в общем, мобильный офис...

«Не понимает. Или делает вид, что не понимает. Ну, как хотите...»

– Ну ладно. Тогда счастливо оставаться, если ещё чаю захочется – с чайником справитесь, а мне пора бай-бай. Я человек подневольный, с утра опять в каменоломни.

– Вот-вот! Это очень важно – быть свободным! Когда все осознают это...

«М-мыслитель!»

Не сказать чтобы в эту ночь я прямо-таки лишилась сна. На следующий день вечернее чаепитие на кухне вообще как-то выпало из памяти. На за ужином отец вдруг спросил:

– Ну как тебе Саша?

– Саша? Какой? А, этот... Саша как Саша. Пижон и хвостун. Как все мальчишки.

– Ну, дочь моя, плохо ты в людях разбираешься! Ты просто не разглядела. Александр – человек неординарный. Настоящий талант, не побоюсь этого слова – гений! В нормальном обществе таких людей ищут, а найдя – на руках носят. Это только у нас они годами сидят в ассистентах кафедр!

Понеслось...

Я уже убрала со стола и вымыла посуду, а отец продолжал расхваливать молодого (ну, разве что по сравнению с ним!) гения (вот так, не больше и не меньше!), восходящую звезду свободной мысли, не уступающую Вернадскому, Жан-Поль Сартру и Ульянову-Ленину.

– Что-то никак твоя звезда не взойдёт, уж засиять бы пора, – попробовала я съязвить, но отец уже ничего не слышал. С ним это бывает. Начав излагать что-то свое, он просто перестаёт воспринимать всё, что этому противоречит. Не круглый стол ему нужен, а амвон. Кафедра проповедника, так сказать. Минбар, как в мечети. Я представила, как мой папочка возглашает: «Вперёд, к победе коммунизма!», и толпа валится лбом в пол, и прыснула.

– Что тут смешного? – возмутился отец. – Ты вся в свою мать, такая же недалёкая!

Спасти от дальнейшего мне удалось, лишь запершись в ванной.

Весь следующий день отец на меня дулся и разговаривал односложно, но потом, видимо, отошёл и вновь принялся осторожно расхваливать Седова, его многочисленные способности, ассоциативность его мышления и широту взглядов. Как узбек на рынке свои дыни. Цветисто и сладкоречиво. ...Ну и на здоровье, пусть он там такой гениальный, мне-то что за дело?

А дальше... Дальше было – «чем дальше, тем страньше», так, кажется, говорила Алиса в аналогичной ситуации. В пятницу вечером перед парадным подъездом нашей конторы между «тойотой» генерального директора и «копейкой» электрика припарковался скромный «Фольксваген Туарег». И Саша Седов, небрежно прислонившись к капоту, поигрывал великолепной розой. И весь этот спектакль, как выяснилось, устроен ради меня... Эллочка с этой своей подругой из отдела кадров чуть не рухнули прямо в проходной, увидев, как передо мной галантно распахивают дверь шикарного авто. Так забавно было на них смотреть.

– Куда поедет, Надя?

Неожиданно как-то. Вообще-то я собиралась домой. Мужиков своих кормить...

– Пятница, вечер – и домой? Неужели они сами не накормятся? Это ведь не так сложно.

В чем-то он прав. Но мне не хочется абсолютно никуда. Очень не хочется. Там везде будут какие-то незнакомые люди. А главное, неясно, зачем всё это. В бескорыстный интерес к моей скромной особе что-то не верится, а в чем корысть – непонятно. Первая мысль, которая приходит в голову в связи с этим, как-то чересчур вульгарна.

– Ну, чего хочет женщина, того хочет бог. Поехали к дому, по дороге заедем в «Ашан», скажем. Посмотрим чего-нибудь к столу. Возьмём конфет и ананас...

Ну, пижон!

Предусмотрительный Саша захватил с собой и гитару. Дважды пижон, подумала я.

Дома нас встретила оглушительная тишина. Тимоша на мягких лапах неслышно возник посреди прихожей, внимательно оглядел Александра и удалился, покачивая хвостом. Больше никого. Так, значит. Приехали. По законам жанра (мелодрамы, естественно) будет открыта бутылка вина и зажжены свечи, и после первой, в крайнем случае после второй он приставать начнёт... Зачем мне это? Свернуть мероприятие – не нахожу способа сделать это достаточно тактично. Плыть по течению – скучно: то, что все мужики одинаковы, я и без него знаю. Ладно, будем действовать по обстановке. Может быть, отец скоро вернётся и ситуация разрешится сама собой.

Пока я так размышляла, Александр с пакетами в руках уверенно направился на кухню. Отступить некуда. Пока я расставляла на столе всю эту икебану, Александр принёс гитару.

Потрогал струны, пошевелил колки. Звук у инструмента был очень неплохой – «Кремона», не хухры-мухры.

Всем нашим встречам разлуки увы, суждены,
Тих и печален хрустальный ручей у сосны,
Пеплом несмелым подернулись угли костра...
Вот и окончен маршрут, расставаться пора.

И на моей кухне как будто запахло костром, и время вернулось на двадцать лет назад.

– Саша, вы, наверное, ходили в походы?

– Я и сейчас хожу. Без этого нельзя – загниёшь, погибнешь. А вы, Надя?

– Это было давно. Ещё в прошлой жизни. Хорошо тогда было...

– А потом вы вышли замуж, и походы закончились.

– Да, так и было. Родился Антошка, и муж стал ходить уже без меня...

– ...и встретил там другую. Я угадал?

– Да, слава богу, встретил! А то я неизвестно сколько ещё собиралась бы от него уйти.

Дура была.

Спрашивать о его семейном статусе не буду: мужчины всегда понимают этот вопрос на удивление однозначно, несмотря на всё своё хвалёное аналитическое мышление. Впрочем, этого не потребовалось. Александр раскололся сам.

– Я со своей женой тоже познакомился в походе. И тоже не сложилось. Наверно, девушки для того и ходят в походы, чтобы найти мужа. Я прав, Надя?

– Александр, девчонки ходят в походы в поисках настоящего мужчины, а мальчишки – в поисках себя. Ну, и чтобы этого себя девчонкам показать. С лучшей стороны, естественно. Если подумать, поход – это ролевая игра. Каждый играет самого себя, но в лучшей версии. Все стараются быть порядочными и помогать друг другу. Потом возвращаются в город, и игра кончается. В обыденной жизни не у всех хватает сил её продолжать.

– Вы совершенно правы, Надя. Именно игра. Собственно, вся жизнь – игра... Ну, а взрослые люди ходят, чтобы спастись, хотя бы на время, от плодов цивилизации. Они нас когда-нибудь погубят.

Я изумилась:

Электричество? Горячая вода? Или гастроном на соседней улице?

– Да, да и ещё раз да! – взвился Александр. – Мы отвыкаем от реальных трудностей, заменяем их искусственными! Для нас самое опасное – это когда начальник недоволен! Ещё бы, ведь тогда не видать нам отпуска в августе! А если со включением отопления запоздают на неделю, мы так и мёрзнем в своих шикарных квартирах! А представьте себе, Надя, что сейчас выключится электричество. Это будет такой «последний день Помпеи»...

Хм. В конце концов, множество опытных специалистов занято именно тем, чтобы электричество не выключалось. А если вдруг выключится – чтобы побыстрее включилось снова. И пока каждый из них делает своё дело, есть надежда, что катастрофы не будет. Несколько лет назад была, помнится, серьезная авария, обесточило несколько районов Москвы. Ну и что? Никто не умер, никакие толпы мародёров не бродили по улицам. Потом подали напряжение – и все вернулись к своим делам. Не надо истерик. Если где-то чего-то нет из того, что обычно есть – значит, кто-то своих обязанностей не выполняет. Взять его за шкирку и потрясти.

– Если сейчас выключится электричество – я свечи зажгу. У нас есть.

– Вот как? А давайте...! – загорелся Александр.

Ну, вот и началось...

– Саша, если вы так не любите городскую цивилизацию – изящно уклонилась я, – может быть, перебраться в деревню, на природу?

– Нет!!! – отреагировал Александр с пугающей страстностью. – Это будет бегство от жизни, от борьбы! Когда-то, в молодости, я хотел уйти от цивилизации – в тайгу, чем дальше, тем лучше. Пытался собрать команду единомышленников, искал людей, старался в них разобраться. К счастью, не удалось.

– Почему? И почему – к счастью?

– Почему не удалось? Вовремя разобрался. Слаб человек, Надя. Те, кто на каждом углу рассказывал о своей любви к природе и свободе, оказались обыкновенными болтунами, сиречь трепачами. Поговорить на эти темы, потусоваться, чаю или водки попить в хорошей компании... Поплакаться в жилетку... Настроить планов... А как до дела доходит, так в кусты. И бывшая моя – в первых рядах...

Ах, вот оно что. Ну, так я её понимаю. Выдерживать идеологически зацикленного мужа – это нелегко. Но когда он свою идеологию начинает в жизнь проводить...! Недаром я всегда преклонялась перед жизненным подвигом Надежды Константиновны Крупской.

– ...Вы не представляете, Надя, что творится вокруг. Нас, свободных и самостоятельно мыслящих людей, просто уничтожают физически. И если сбежать куда-нибудь в дебри Хабаровского края, то рано или поздно придут и туда. У меня недавно заболела мама...

– В Хабаровском крае? – съязвила я (довольно бестактно, но Александр, к счастью, не понял).

– Нет, в Москве. Пошли мы с ней в больницу. Погоняли нас по анализам и прочим диагностикам, навыписывали таблеток – толку никакого. Спрашиваю, почему не помогает, мне в ответ: «Вашей маме сколько лет? Девятым десятком? Так чего же вы хотите?» Вот так относятся к старикам советская медицина.

Я хотела было сказать, что советская медицина в муках испустила дух лет двадцать назад, но промолчала. Какая бы ни была у него идеология, но речь идет о маме. Это горе, и горе особое – ждать неизбежного, бодро уверяя старого человека, что он будет жить вечно.

– ...Стариков просто истребляют, а дети? Посмотрите, кого рожают наши женщины. Половина – уроды, через одного – дебилы, пятьдесят процентов – больные и недоразвитые!

Половина? Через одного? Зарапортовался мужик...

– И ведь никто ничего не делает! Никто, похоже, не хочет иметь здоровых и умных детей. Наверное, боятся, что они вырастут и родителей своих того-с с парохода современности!

Эге, да дело зашло далеко. Хотя как посмотреть. Преувеличивает, конечно, может быть, просто у наших детей другие проблемы. От нас, помнится, родители тоже были не в восторге. От Вики, кстати, мой папочка до сих пор просто в депрессии. Так что если отбросить излишние эмоции...

– Ну хорошо, а есть какие-то способы? Что-то можно сделать?

– Конечно, можно! И способы есть, и узнать каждый желающий об этом может. Но – не хотят! Гораздо приятнее и легче стонать и жаловаться на весь мир. Конечно, система будет всячески мешать появлению мыслящих людей, и надо понимать, что впереди – борьба. Но жизнь вообще не для слабаков! Вы согласны со мной, Надя?

– М-м... в какой-то степени...

– Совершенно верно! Я прекрасно вас понимаю. Борьба – не женское дело, для этого в природе есть мужчины. И долг настоящего мужчины – оградить свою женщину от бед и проблем.

Александр встал, подошел к окну. Пробормотал: «Красиво тут у вас...», поправил штору движением резидента, провалившего явку, и повернулся ко мне.

– Надя, спасибо вам огромное за чудесный вечер. Нечасто выдается такое – тишина, покой, красота. Буду прощаться, время уже позднее.

– Приходите к нам ещё, Саша, – сказала я почти искренне.

В дверях Александр обернулся. Я протянула руку, он аккуратно поднес её к губам, не сводя с меня глаз.

– Спасибо вам, Надя...

Когда за ним закрылась дверь, я долго не могла понять, что я испытываю: сожаление или облегчение?

Пришёл отец. Одобрительно улыбнулся, бросив взгляд на натюрморт на столе, но ничего не сказал.

Накормила отца. Позвонила Антону, сквозь рёв музыки поняла, что он в клубе с друзьями, посуда подождет до завтра, спать, спать! Но что-то не засыпалось. Как-никак сегодня у меня в жизни впервые за последние лет десять было что-то новое...

Мужчина ухаживает за женщиной – на этом ведь и держится род людской, и только для меня это запредельное событие. Как будто я – исключение какое-то. Эта сторона жизни определённо прошла мимо меня. Ну почему??? Сколько себя помню, всегда делала то, что надо – начиная с первого класса училась, училась и училась. Серебряная медаль, красный диплом... Такой многообещающий старт – и такой невзрачный результат.

Да о чём это я? У меня всё классно! Всякие болезни моего Антошку обошли стороной, меня, слава богу, тоже. Квартира есть, зарабатываю неплохо – нам хватает. Плохие компании, наркотики – чур меня, чур! Антошка даже не курит! Учится хорошо! Ценить надо, у многих всё не так благополучно. А то ведь судьба и отнять может это благополучие. За неблагодарность.

Я осознала, до чего у меня всё замечательно, и почувствовала себя в полном шоколаде. Правда, шоколад оказался горьким. Я же не хочу ничего необыкновенного вроде замуж за олигарха, Нобелевской премии, славы кинозвезды. У меня нет обыкновенного женского счастья. А если внимательно и трезво посмотреть прямо перед собой, скоро не будет многого из того, что есть. Впереди ждут одни потери. Они уже здесь, столпились на лестничной площадке, докуривают последние сигареты и посматривают на часы. Вот-вот позвонят в дверь, и попробуй не открой...

Всё началось с того, что пресловутое счастье в личной жизни вскоре после свадьбы оказалось мало похожим на счастье, как я его себе представляла. А после рождения Антошки оно и вовсе полиняло и выцвело. И однажды я просто не обнаружила его дома. Оставалось только взять ребёнка и уйти – благо было куда. Отец был даже рад, а мама глубоко мне сочувствовала. Жизнь разведённой женщины представлялась ей безрадостной и бесперспективной. Как будто жизнь замужней лучше...

Я, конечно, переживала. Слез пролила целое ведро. Однако со временем поняла, что не стоил мой бывший этого ведра – и чайной ложки не стоил. И вот когда я это поняла, жизнь моя пошла ровно и хорошо.

Антошка маленький был такой славный. Как он морской бой устраивал в ванной. Как мы смеялись, читая «Старика Хоттабыча». Как он клал возле своей постели игрушечное ружьё – «против привидений». В школе всё плохое к нему как-то не приставало. И наше будущее казалось светлым и спокойным несмотря на то, что в стране одно за другим пошли потрясения разной силы. Антон закончил школу уже не просто в другой стране, а даже в другом мире. Он – человек другой цивилизации, человек будущего, каким бы оно не оказалось. У него другие интересы. Хранятся они в основном в компьютере. Перед сном он проверяет почту. Проснувшись утром, он снова проверяет почту. Придя из института, он включает компьютер и залезает в «аську». С кем он там общается – тайна, покрытая мраком. А вечером наступает очередь последней версии «Квейка». На весь дом гремят взрывы, с жуткими воплями дохнут монстры. Вот и вся видимая часть его жизни...

А я – человек советского прошлого. Конечно, стараюсь не отстать «навсегда», но компьютер, Интернет – для меня всего-навсего инструмент. Необходим на работе и полезен в жизни. А для Антошки это среда обитания. Там проходит вся его жизнь, совершенно от меня скрытая. В общем, сын мой, наверное, хороший парень, но мне об этом ничего не известно. Ему просто не о чем со мной говорить. Вот закончит институт, пойдёт работать – и я буду совсем ему не нужна. Разве что для домашнего хозяйства. Ведь обед на столе не создашь щелчком мыши. И чистая рубашка в шкафу таким простым и приятным способом не появится...

Молчаливая прислуга – вот моё будущее во всей красе, пока возраст и здоровье позволяют. А что потом – представлять себе не хочется. Маме здоровье отказало рано, как-то сразу и насовсем. Сколько мне осталось до этого возраста? Лет десять примерно. Так жалко стало маму и себя, и слезы сами собой полились, как в детстве. И Вику стало жалко, и Женьку, и Антошку, и Мишку, и Кирюшку... Один мальчик как-то сказал: «Мне жалко всех людей, потому что они умрут».

И тут ко мне на одеяло бесшумной, хотя довольно увесистой тенью запрыгнул Тимоша, потыкался в лицо носом, замурлыкал, стал слизывать слезы язычком... Милый котик, добрая душа, спасибо тебе. Что это я, в самом деле, какие мысли себе позволяю! Прямо никто не узнает, где могилка моя. Впереди ещё лет десять вполне приличной жизни, за это время много чего может произойти, вплоть до чуда какого-нибудь. Любовь, конечно, уже не для меня, поздно-вато-с. Романчик какой-нибудь для разнообразия ещё можно.

А вот и замок щелкнул, тихонько скрипнула дверь. Слышно, как Антошка снимает кроссовки и в одних носках пробирается в свою комнату. Всё. Отпустило и отлегло. Счастье – это когда все дома и все спят.

Когда через несколько дней позвонил Саша и предложил съездить на Кавказ «в одно чудесное место», я согласилась. Это, конечно, не значит, что я готова дать первому встречному, потому что второго встречного может и не случиться. А Саша – мужик ничего, из себя видный (даже более чем), образованный и не алкаш. Уже немало. Кроме того, мне, самостоятельной взрослой женщине, никто не указ, да и, глядишь, понравится...

Саша обещал показать всякие горные чудеса и тайны. Я так любила всё это в те времена, когда ждала от жизни многого, в основном хорошего и даже прекрасного, да и в походы ходила затем, чтобы это хорошее и прекрасное однажды встретить.

Отец поддержал идею с несколько подозрительным энтузиазмом. Антошка как-то неопределенно повёл глазами и произнёс нечто нечленораздельное. Видно, прикидывал: с одной стороны, они с дедом остаются на хозяйстве и заботиться о себе придется самим, а с другой стороны открываются широкие просторы для личной жизни. Правда, личной его жизни я никогда не препятствовала – хотя бы потому, что ничего о ней не знала. Какие-то девицы мелькали в отдалении, но до знакомства с родителями ни разу не дошло.

От сестёр я секретов не держу, но что-то не хотелось мне говорить о предстоящей поездке. Однако пришлось.

Позвонила Виктория.

– Привет, сестрица!

– Привет, сестрица...

– Как жисть молодая?

– Молодая... – хихикнула я. – Молодая, наверное, хорошо, только я уж подзабывать стала...

Посмеялись.

– Слушай, – внезапно посерьезнела Вика, – я тут тебя подписала на одно крутое приключение. Экскурсия, называется «Москва мистическая». Представляешь, начинается у Брюсова дома ровно в полночь – и по всей Москве до утра. Пока петух не пропоёт...

Я представила себе петушиный крик над шоссе Энтузиастов – и расхохоталась. Кто там его услышит...

– Здорово. Наверное, интересно. И когда это?

– Тринадцатого. В смысле, с двенадцатого на тринадцатое. Я тебя уже вписала. Три штуки для тебя не проблема?

Однако...

– Да не проблема, только... – я замялась.

– Что – только? – казалось, Вика прочитала мои мысли. – Никак собралась куда? В сторону южную, к морю жемчужному?

– Да... то есть нет... в смысле, я пока точно не знаю...

– Никуда не уходи, – приказала сестра. – Через час буду, поговорим.

Попала я, однако...!

Виктория влетела в дверь раскрасневшаяся от жары. Тушь потекла и смазалась, косичка «под левым ухом», и вообще похожа на встрепанного воробья.

– Ой, ужас какой! У тебя горячая вода есть? Взмокла вся, пока добралась! Ну, рассказывай!

– Что именно?

Вика с грохотом уронила в ванну эмалированный таз.

– Мужиков в доме нет гвоздь как следует забить! Я дверь не буду закрывать, а ты рассказывай!

– Нет уж, – мстительно заявила я. – Помучайся неведением, а я пока чайник поставлю.

Да подумаю, стоит ли тебе рассказывать – и сколько.

Потом мы сидели на кухне, пили чай, и Вика слово за словом клещами вытягивала из меня все подробности об Александре, его предложении, его машине и его горах.

– Ну что ж, дело хорошее, – задумчиво проговорила она под конец, – давно пора...

– Что – пора? В каком смысле – давно?

– Эх, Надька, Надька. Хоть ты и старшая, а глу-у-упая-я-я... У тебя сколько уже мужика нету? Это, знаешь ли, для здоровья вредно! Для психического в первую очередь. Так что – вперёд. Всячески приветствую и одобряю.

А пуркуа бы и не па? Что мне мешает? В конце концов, никаких обязательств это на меня не накладывает... Раз в жизни за последние лет пятнадцать я могу себе позволить... А там видно будет.

– Ой, дивитесь все на неё! Краснеет! Ура! Моя сестрёнка краснеет! – Вику почему-то это ужасно обрадовало. – Молодец! Вернешься – расскажешь, как всё там у вас было...

Моя меньшая весьма равнодушна к интимной стороне жизни, будь то чужая или своя. Два раза была замужем, оба раза осталась ужасно недовольна, но хочется ещё. Так что за это бурное любопытство я на неё не обиделась. Мы ещё немного посплетничали, посмеялись, и она убежала.

Александр назначил отъезд на шестое и поклялся, что седьмого утром мы уже будем на месте. Пятого ко мне пришла Виктория и принесла небольшой несессер-сундучок с косметикой. Примерно с час она инструктировала меня, чем, когда и как следует пользоваться. Я поняла, что вооружена на все случаи жизни, и отныне путь мой будет усеян телами мужиков, поражённых в самое сердце...

Шестого утром прибежал Миша.

– Тётъ Надя, здравствуй. Я тут тебе полезный девайс принес, – и вручил мне небольшой, но очень какой-то «навороченный» рюкзачок со множеством ремешков, застёжек и карманов с карманчиками. На всех свободных от карманов и карманчиков местах рюкзачок был прошит

цветными нитками, проколот огромными булавками и увешан железными цепочками. На мой недоуменный вопрос он пояснил, ухмыляясь, что это «от горных злых духов».

– Тут в карманах кое-что полезное, спички, фонарик, компас там...

– Мишка, родной, – засмеялась я, – я же не в поход пятой категории иду! Так, по тропинкам прогуляться в лучшем случае.

– Ничего, ничего, – покровительственно сказал Мишка, – всякое бывает...

И уже в дверях, обернувшись, добавил:

– Ты, тетя Надя, не дрейфь. А в случае чего я этого козла горного... как Тузик тряпку. Так ему и скажи.

Когда он ушел, я аж всплакнула. Нет, неправа я. Кроме Тимоши, ещё по крайней мере один мужчина любит меня бескорыстно...

Виктория

*Встал я нынче утром рано —
Нет Луиса Корвалана...
Вот она, вот она,
Хунта поработала!*

Народное

Точно, как раз восьмого это и случилось. Вскакиваю я поутру, пока то-сё, включила телик, он там что-то бухтит про каких-то террористов, я кофеёк попиваю, и тут до меня доходит. Сначала: это уже не террористы через границу пук-пук, это настоящая война! Особенно когда на экране появились танки. А потом: там же Надька! Они там что, с ума посходили? Ей же в такие вещи попадать нельзя! Она же там пропадёт!

Хватаю я мобильник и начинаю вызывать сестрицу. «...или вне зоны обслуживания...» Звоню сменщице, падаю в ножки, ссылаюсь на ситуацию и вырываю день. Опять звоню Надежде. Тот же результат.

– Доброе утро, мам. Что-то случилось? Опа-а-а... – это сын проснулся и, выйдя на кухню, глянул в телик. – А ведь тётя Надя где-то там...

– Сообразила уже... – огрызаюсь я, судорожно тыкая в кнопки мобильника. «...Вне зоны обслуживания...»

– Спокойно, мам. – Сна у парня уже ни в одном глазу. – Что там у них, в полный рост война? Да, похоже. Ты тёте Наде звонишь?

Отбирает у меня телефон и слушает этот дурацкий «ответ системы».

– Как думаешь, – стараясь быть спокойной, спрашиваю его, – звонить, наверное, бесполезно?

Мишка задумывается.

– Ну почему... Позванивай, конечно. Мало ли что. Я сейчас разберусь в ситуации.

Уходит к себе в комнату. Слышен звук включаемого компьютера. Я тем временем размышляю, звонить ли отцу.

Пока я размышляю, он звонит сам.

– Виктория, здравствуй. Тебе не звонила Надежда?

– Нет. Я сейчас пытаюсь до неё дозвониться...

– Ну, понятно. Толку от тебя, как... Если что-нибудь узнаешь – немедленно сообщи. До свиданья.

– Я тебя тоже очень люблю, папочка! – злобно отвечаю я умолкнувшей трубке.

Однако на душе кошки скребут.

Мишка выходит на кухню, зажигает газ и ставит сковороду.

– Война войной, – серьёзно говорит он, – а обед по расписанию. Давай-ка, мам, порубаем.

– Да не хочу я! – пытаюсь я отбиться, но сын непреклонен.

– Двух яичек тебе хватит? ...теперь слушай. Там в натуре война. Эти из-за границы пригнали свою авиацию, оба самолета – и бомбят приграничные сёла. Наши уже грозятся ответить, так что всё это ненадолго, но в этом бардаке всякое может случиться. Скорее всего, пронесёт. Телефон у неё мог разрядиться, могли сеть отключить, а могли и просто вышки повалить...

– Какие ещё вышки?

Сын долго и обстоятельно объясняет мне принципы сотовой связи, я ничего не понимаю, но успокаиваюсь. Мне вообще иногда кажется, что он старше меня. Во всяком случае спокойнее и рассудительнее. Сейчас он точно лучше меня собой владеет.

– В общем, не паникуй, телефон, конечно, проверяй, но особенно не надейся. Я через своих ребят попробую что-нибудь узнать. А ты иди спокойно на работу.

Какая там работа! Конечно, никуда я не пошла. Сидела и тряслась. Потом меня осенило: позвоню-ка я Женьке. Позвонила. Конечно, та ничего не знает, кроме того, что по «Маяку» передают. Счастливые люди – сидят себе в деревне и плюют на политику...

Через полчаса Мишка выяснил, что сотовая связь накрылась на всем Кавказе. Ещё через час позвонил Женькин мужик и сказал, что через радиолюбителей (во, и от этих польза бывает!) выяснил, что там всюду идёт война (а то я не знала), что есть погибшие, что ополчение держит оборону, а российские десантники уже вступили в бой... Интересно и важно, конечно, но где моя сестра???

Мишка тем временем звонит деду и пытается у него выяснить, в какой именно город направилась Надежда. Дед отвечает на таких повышенных тонах, что я слышу на приличном расстоянии от телефона. Но и он ничего точно не знает.

В общем, суток трое бились мы в истерике, каждый по-своему. Я – так очень даже натурально, и дома, и на работе, сын – молча дёргая сигарету за сигаретой и терзая Интернет. Он даже спутниковые снимки района боёв откуда-то скачал. Жаль, Надьки на них не разглядеть...

Утром двенадцатого позвонила Евгения.

– Меньшая, всё, успокойся. Надежда дома.

Я так и села мимо табуретки.

– Кто... откуда... почему...

– Сейчас отец звонил. Иди к ней, ей там плохо, я выезжаю и буду к ночи.

Выглядит Надежда – краше в гроб кладут. В триллере играть с таким лицом. Я её заставила выпить полстакана водки и уложила в постель, но она вылежала минут десять, встала и пошла на кухню.

– Дай сигарету.

– Ты же не куришь!

– Дай.

Она затянулась, закашлялась, бросила сигарету в раковину.

– Викуша, они же их убивали... Просто так... Я сама видела...

– Ладно, ладно. Всё уже прошло. Всё хорошо. Ты дома...

– Да не в этом дело! Ты понимаешь... Всё так начиналось хорошо. Погода замечательная. Водит Саша виртуозно. Доехали быстро, устроились у прекрасных людей... К вечеру решили на горку залезть, закат посмотреть...

Сестру помаленьку отпускало. И голос уже другой, без этой безнадёги. Мы с ней выпили ещё по рюмочке, и начала она рассказывать.

– ...Примерно с час мы лезли в гору – всё выше и выше, сначала по тропинке среди садов и рощ каких-то красивых деревьев, я из всех только дуб и узнала. Потом был луг с травой по грудь, потом скалы, но несложные – даже руками помогать себе не приходилось. Пришли на маленькую полянку, окружённую скалами, вид оттуда был великолепный. И городок виден. Сначала просто так смотрели, потом Саша бинокль достал, стали улицы разглядывать. Здорово, нашла даже дом, где мы остановились. Александр утверждал, что и машину свою во дворе видит. Потом он вытащил примус, маленький такой, как банка тушёнки, сварил кофе, и мы этот кофе стали с ним попивать под ликёрчик. Хорошо было, тепло, уютно... И тут на шоссе, что к городу идёт, какие-то вспышки засверкали. А потом и в городке начало мелькать. А ещё через минуту – бабах, бабах! Раскаты такие. Я сначала ничего не поняла, а потом смотрю – Седов наше барахло быстро-быстро в рюкзак суёт. Дождались, говорит, от этих чурок. Я спра-

шиваю: «Чего дождались?» А он как заорёт: «Ничего не понимаешь? Война! Собирайся, уходи! Чтоб они сдохли все со своими проблемами...»

Как мы на этой тропинке шеи не переломали – до сих пор удивляюсь. Бегом до дома добежали, навстречу люди, кто в чём, с какими-то сумками, узлами, дети орут, бабы воют – ад кромешный. Какие-то мужики с автоматами, с белыми повязками на руках по улице бегут. Броневики промчались, из пулемета – трррр, и женщина упала... Вот тут мне страшно стало.

Забегает в дом – всё настезь. Хозяин со старшим сыном – с автоматами, какие-то узлы собирают, в подвал бегом несут. В нашей комнате на косяке записка: *Саша уходи в горы на север границы сейчас...* Спрашиваем, что случилось – они только отмахиваются: *эти...* Они их даже не называют, вот какая дружба народов... Похватили мы документы, да Седов ещё на кухню забежал и что-то из продуктов прихватил. Завёл он машину, и погнали мы. Задело меня малость, что он никого не подобрал, но это уж я потом подумала. А тогда просто страшно было. Ничего не соображала. Радовалась только – хорошо, что машина есть, часа два, и граница.

На выезде из города напорились мы на «этих»... Два броневика, солдаты. Показывают, чтоб остановились. Седов только матюгнулся и – газу. Почти проскочили, дальше поворот был, но тут они по нам из пулемёта стрелять стали. Колёса в клочья, машина с откоса так и ухнула, до низу докатилась, только мы выскочили – как бабахнет! Пламя, дым. Я ещё, помню, подумала – как в кино. Солдаты наверху, на дороге галдят, вниз постреляли, но лезть не стали. Там какие-то трубы железные лежали, мы с ним в трубу заползли и сидели, тряслись. Потом потихоньку вылезли и вдоль дороги пошли. Смотрю, а у него чемодан. Когда успел? Идти неудобно, но он его всё равно тащит.

Нагнали на дороге старуху с мальчуганом лет шести. Бабка из местных, на вид лет сто, тащит какой-то узел. Пошли вместе. Бабка по-русски неплохо говорит, всё вспоминала, как в сорок втором году от немцев по горам уходили. Потом – как от грузин в девяностом. Потом – как в двадцатом ещё от каких-то абреков. Насыщенная, в общем, жизнь. Мальчишка – её правнук. Идёт молча, на спине пальтишко в скаточке, а на поясе кинжал, самый настоящий.

Сначала шли по дороге, но потом нас чуть не пристрелили с броневика. Нагнали и давай из автоматов палить. Пьяные, орут что-то... Еле спрятались в камнях. Потом бабуля нас по каким-то тропкам повела, шли, пока хоть что-то видно было. Ночевали на куче веток, которые мальчик с Александром нарезали. Кстати, Мишкины зачатки в рюкзаке очень пригодились. Нож отличный, спички эти, которые даже мокрыми горят. Укрылись всем, что нашлось, до утра продрожали, поели, что было, да и дальше пошли.

Второй день был – кошмар в натуре. Помню какими-то клочками. Седов прётся со своим чемоданом, отстаёт, ноет, что ноги стёрты. В общем, потерял лицо. На привале прицепился ко мне – будто я виновата, что мы сюда поехали, а не на Валдай, скажем. Слово за слово, в крик, слюнями брызжет, рожа как помидор... Я тоже в истерике... И тут этот малыш встаёт между нами, вытаскивает свой мясорез и серьёзно так говорит: «Нэ смэй абижать ету женчину!!!»

В общем, исчерпали инцидент. А ещё через час вышли на другую дорогу, и не успели и километра пройти, как навстречу колонна бронетранспортеров. И флажки на броне наши, российские. УАЗик возле нас тормознул, офицеры вылезли – что, как, откуда, потом по радио с кем-то связались, и через пару часов нас попутный армейский грузовик подобрал и довёз до границы. Бабка с правнуком подались к какой-то родне, нас ещё немного подвезли солдаты, а потом на рейсовом автобусе до Ставрополя. Ну, а в Ставрополе я его на автовокзале с удовольствием потеряла.

– ...М-да, – только и нашла я что сказать. – Ничего себе, отдохнула... Ну, теперь всё позади. Сейчас поспать – и к утру будешь в порядке...

– Да не могу я спать... Глаза закрою – то горы эти вижу, то женщину убитую, то Седова с его дурацким чемоданом...

И тут меня как будто шилом в задницу. Седов... Папочкина находка... Весь в талантах с ног до головы... Спрашиваю эдак небрежно:

– Седов – это его так звать? А как он выглядит-то?

– Ну, как... Ничего из себя мужик. В кудрях весь, а спереди так, пореже...

– Плешь, что ли? – уточняю я.

– Плешь не плешь, а вроде залысины.

Узнаю сестрицу. Боится обидеть даже явного гада. Знаю я этого Седова. Ещё бы не знать. Опять он здесь... Но Надьку лишний раз огорчать не будем.

– Ты всё-таки давай в люлечку. Тебе сейчас сон нужнее воздуха, – уверяю я её и в конце концов добиваюсь своего. Надежда покорно лезет под одеяло и через некоторое время засыпает. Спит она страшно. То и дело стонет, скрипит зубами. Что-то говорит – не разобрать. Тогда я тихонько глажу её по руке, и она успокаивается.

Говорят, страшные сны о пережитом полезны. Они стирают плохие воспоминания, и человек быстрее возвращается к нормальной жизни, которая все-таки прекрасна несмотря ни на что. Кстати, о жизни. Что в этом доме есть пожрать? Что Надька будет есть, когда проснётся? Так. В холодильнике кефир, виноград и помидоры. В хлебнице ни кусочка нормального хлеба, только пакет с какими-то сухариками. Набор для здорового образа жизни, бл-лин... Где собственно еда? Ах да, в морозилке. Готовые пельмени «Боярские» (да боярин производителя этих пельменей собаками бы затравил). И гречка «Быстров» – чтобы не напрягаться, значит. Не тратить драгоценное время творческого экстаза на удовлетворение дремучих инстинктов. Кота вон сухим кормом кормили, изверги.

В прихожей заблямкал звонок. Пока я шла из кухни, он ещё два раза поблямкал. Терпения нет у папочки?

Ну да, это он. Принёс из магазина овощи и мясо – теперь можно готовить. Пока я иду с пакетами в кухню, он тащится сзади и бухтит. Не прислушиваюсь, потому что эту пластинку знаю наизусть. Все кругом – дураки, некоторые даже сволочи, никто ничего не умеет и уметь не желает... Впрочем, сейчас обвинения сформулированы точнее. Дочь приехала, а о питании думать приходится самому, в квартире грязь и беспорядок, в коридоре на полочке для обуви стоит какой-то сидор... В общем, конкретный наезд.

Я честно попробовала спустить скандал на тормозах:

– Видишь ли, папа, Надя спит. Ей сейчас плохо.

– Но это никак не отменяет обязанностей по отношению к семье!

Вот это да... И это нормальный человек? Беспредел какой-то. Ну, я вам не Надька. Я такого выносить не собираюсь.

В общем, приняла я устойчивую позу и высказалась:

– Да, папа, не повезло тебе с дочерьми! («С дочерьми», машинально поправил папа). – Только и можем, что обеды варить, стирать да убираться. Бездари, в общем. Никакого полёта мысли. Напрасно ты нас в детстве не списал в детдом как свою творческую неудачу. Закончили бы ПТУ и работали на какой-нибудь фабрике «Красная синька». Только кто бы вас, гигантов мысли, кормил-обшивал-обстирывал? Седов твой, гениальный и нестандартный? Так ведь он если чего и может, то только дальше всех плюнуть или громче всех пёрнуть! Как это ты догадался Надьку с ним отпустить? Зачем ты его опять в дом приволок? Ты что, *тогда* ещё не понял, что это за тип? Откуда вообще этот урод взялся на наши головы? Хлорофосом таких надо!!! Орёл, бл-лин! Где ни пролетит, везде нагадит!

Отец сидел и молчал. Даже не спорил. Он тоже переживал – по-своему. И ему уже восемьдесят...

Потом он махнул рукой и ушёл спать. А я налепила котлет, пожарила картошку и стала ждать Женьку. Она приедет на последней электричке из Твери (если на неё успеет), и если, приехав, успеет в метро. Мишка её, конечно, встретит, но мало ли что.

Молодец у меня Мишка. Как я, дура безбашенная, умудрилась такого парня вырастить? Всё знает. Всё умеет. Ерундой не страдает. Ну, было как-то – пришёл домой кривой как турецкий ятаган, так за это сразу получил и выводы сделал. Знает чего хочет, учится отлично, уже зарабатывает сам. Вести себя умеет, не то что мамочка его психованная – на отца вот наорала...

Испеку-ка я тебе, Миш, завтра сладкий пирог. Шарлотку, например. Связала бы тебе что-нибудь красивое и тёплое, но – не умею...

В общем, так я и сидела – то на кухне, то с Надеждой. А около двух ночи Женька приехала. И стало мне хорошо и спокойно, потому что мы с Надькой дуры известные, а Евгения всегда точно знает, что делать. Теперь не пропадём!

Евгения

*Великий путь не имеет дверей,
Тропинок тысячи к нему приводят.
Прошедший бездверную эту дверь
Свободно идет меж землею и небом.*

Мумонкан

Маленькой Жене, как и её старшей сестре, была уготована стезя гениального ребенка. Дети Василия Кавалерова обязаны быть гениальными, поскольку сам Василий ощущал в себе безграничные способности к аналитическому, логическому и ассоциативному мышлению. Когда-то, ещё в студенчестве, Василию подвернулась потёртая книга дореволюционного издания – Шопенгауэр, «Мир как воля и представление». Нельзя сказать, что всё, что он отуда вычитал, ему понравилось, кое-чего он просто не понял, но, что называется, книга нашла своего читателя. Книга нашла Васю или Вася нашел книгу – неизвестно, но именно с тех пор он почувствовал в себе способности прозревать в будущее и прошлое, в даль, глубину и ширину. Вскоре Вася согласился с желчным немцем, что окружающие его люди – невыносимые тупицы, тугодумы, а кое-кто и просто debil, и соответственно изменил отношение к ним.

Конечно, это имело свои минусы – Васю стали менее охотно приглашать в компании. Но это его не удивляло и даже не огорчало: настоящий гений обычно бывает не понят и не признан современниками. Настоящий гений должен быть одинок. Понимая это, Василий гордо шёл по жизни сквозь неприязнь посредственностей и зависть неудачников. Особенно несносны были женщины...

В результате женился Василий Эдуардович только на четвёртом десятке, будучи преподавателем одного из ведущих московских вузов. Одна из его студенток однажды замерла в восхищении перед неординарностью мышления, смелостью и широтой взглядов своего преподавателя. Да и красив был Василий Эдуардович, спортивен и подтянут – словом, идеал мужчины. Ровесники-раздолбаи на таком фоне не смотрелись. Так симпатичная девушка из Подмосковья, дочь учительницы ботаники, стала его женой и родила Василию Эдуардовичу трёх дочерей.

Женя была второй. С самого начала она чаще огорчала отца, чем радовала. По малолетству не зная, что смех без причины – признак дурачины, она смеялась всему, что попадалось на глаза – воробей ли скачет вдоль дорожки, снежинки ли кружатся за окном. Вообще она гораздо чаще смеялась, чем плакала. А типично бабье пристрастие дочери к тряпочкам и цветочкам огорчало Василия Эдуардовича до глубины души. Несерьёзный рос ребёнок.

Василий Эдуардович знал, что в дворянских семьях прошлого, давших России столько великих людей, дети умели читать уже в три года. Откуда он это знал – не говорил, так ли это на самом деле – его не волновало. Но он поставил перед супругой задачу – научить ребенка читать, а как это сделать – не объяснил. Возможно, просто не знал.

Супруга подошла к задаче творчески. Читая дочке сказки (а до них Женька была большая охотница), она помаленьку показывала и называла буквы, учила складывать слова. Женя очень удивилась: она была уверена, что чёрненькие закорючки между картинками – нечто вроде узора, на котором картинки смотрятся лучше, и тоже привнесла элемент творчества в процесс обучения. Одолев в сказке первое «жили-были», она пускала фантазию в свободный полёт и по-своему описывала приключения героев. В ход шли другие известные ей сказки, мультики и телевизионные репортажи из горячих точек планеты. Истории получались бессвязные, но увлекательные.

В конце концов Василий Эдуардович заметил отсутствие прогресса в деле ликвидации безграмотности и остался этим очень недоволен. Подтвердились его подозрения, что в жёны

ему досталась женщина недалёкая и бездарная, в общем, клуша деревенская. Дочку он меньше любить не стал, но понял, какую нелёгкую задачу поставил перед собой. Он впервые задумался о том, что не всё в мире определяется волей и что хотя Шопенгауэр во многом прав, но кое в чём всё же заблуждался. А Женя, сама того не замечая, отвоевала право на некоторую личную свободу.

В школе Женя училась легко, но не изнуряла себя пятёрками, как в своё время её старшая сестра. Твёрдые, как говорят педагоги, четвёрки её вполне устраивали. Однако историю, географию, литературу она знала в объёмах, заметно превосходящих школьную программу. На английском языке к шестому классу она уже могла достаточно свободно разговаривать. Попутно освоила татарский, общаясь со старухой соседкой, а съездив на каникулы в Петрозаводск, заинтересовалась финским – и к окончанию школы сносно на нём читала. Василий Эдуардович возликовал: его дочь – явный вундеркинд! Однако Женя проявила характер. Уклоняясь от демонстрации талантов перед гостями и знакомыми отца, она к тому же завела себе странное хобби.

Ещё в раннем детстве Женю ужасно привлекали люди, не похожие на привычных ей москвичей. Она могла привести в смущение какого-нибудь негра, долго и внимательно разглядывая его. Могла ужасно расстроиться от того, что мама не позволила поплясать с цыганскими ребятами, которых они встретили на Казанском вокзале. А как-то раз, увидев двух бородатых сикхов в тюрбанах, засмотрелась до того, что споткнулась и полетела прямо в клумбу с цветами... В общем, она уже тогда поняла, что мир населён очень разнообразными людьми со своими обычаями, языками, одеждой. И прекрасен мир именно тем, что разнообразен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.